

Ростовская Мария Федоровна

**Четыре времени года: Зима,
весна, лето, осень: Рассказы
из деревенского быта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Федоровна Р.**
Четыре времени года: Зима, весна, лето, осень: Рассказы из деревенского быта / Ростовская Мария Федоровна – М.: Книга по Требованию, 2025. – 248 с.

ISBN 978-5-519-83544-2

ISBN 978-5-519-83544-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

меньшихъ для различія, одного зовутъ Семка, а другаго—Сенька, хотя оба они Семены.

Дѣвочекъ зовутъ, старшую Акуля, потомъ: Оеня, Наташа, Поля и Катя.

Зимой ребятишкамъ почти никакой работы нѣтъ, и потому, въ хорошую погоду, весь этотъ мелкій народъ на дворѣ, съ утра до вечера.

Сидорка и Никишка однихъ почти лѣтъ, и хотя двоюродные братья, но чрезвычайно похожи другъ на друга; оба они замѣчательно ловки и проворны.

Смастерить салазки, надо попросить Тимошу или Антипку, а прокатить съ горы на Волгу, по длинному раскату, лучше Сидорки никто не сѣмѣетъ; развѣ только Николѣка сядетъ на другія салазки, вслѣдъ за нимъ, руки подбоченить, да такъ ловко пустится по льду, правя ногами, что часто Сидорку догонитъ и опередитъ.

А Сенька и Семка—пресмѣшные мальчики!.. ну точно два кулька, въ своихъ толстыхъ кафтаняхъ, поверхъ полушубковъ. Они кубаремъ катаются съ горы или, ухвативъ за ноги которуюнибудь изъ дѣвочекъ, потащатъ и ее съ собою, съ крикомъ и смѣхомъ.

Гора въ Орлахъ самою природою устроена, и весь трудъ ребятишекъ состоитъ въ томъ, чтобы разметать снѣгъ, когда, послѣ сильныхъ

морозовъ, онъ снова покроетъ укатанный уже скать.

Весело видѣть, какъ дѣти всей деревни толпятся на самомъ верху горы, впрочемъ, всегда подъ предводительствомъ Тимоши и Сидорки, старшихъ внучатъ Потапыча: они главные зачинщики всѣхъ затѣй. Тутъ же и Потапычъ самъ, и его дѣти, и полдеревни иногда соберется полюбоваться на ребятишекъ и посмѣяться ихъ веселью. Весело видѣть, какъ они катаются: кто на салазкахъ, кто въ кучѣ на лубкѣ, а нѣкоторые и, просто, сядутъ обнявшись двое, трое вмѣстѣ, и, обметая кафтанами снѣгъ, расчищаютъ на горѣ ледъ и ѣдутъ себѣ пресвело и прешибко даже и по раскату.

Потомъ надо видѣть, какъ смѣшно вся компанія поднимается опять въ гору: кто тащить салазки, кто самъ по себѣ и одинъ, да не можетъ взобраться: скользить и падаетъ въ снѣгъ, то направо, то налѣво.

Больше всѣхъ смѣшать народъ Семка и Сенька. Они мальчики еще маленькіе, кафтаны на нихъ претяжелые, шапки мѣховыя нахлобучены почти до бровей; морозомъ щеки такъ нарумянило, что рожицы, точно маковъ цвѣтъ, выглядываютъ изъ подъ шапокъ. Рукавицы на нихъ отцовскія, и поэтому просто смѣхъ смот-

рѣть, какъ эта уморительная пара кряхтитъ, пыхтитъ и на верхъ взбирается.

— Семка, помоги! говоритъ Сенька, хватаясь за товарища, который кое-какъ выбрался его повыше; подай руку... вишь все ползу назадъ...

Семка, чтобы самому не свалиться, кричить:

— Пусти кафтанъ... эй пусти... Сенька!... я и самъ чуть-чуть лѣзу... давай руку... давай... я и такъ тебя подтяну!...

Тутъ Семка протягиваетъ свою рученку въ огромной рукавицѣ; Сенька поспѣшно за нее хватается; Семка съ усиліемъ дернулъ, чтобы помочь товарищу; Сенька крѣпко за рукавицу уцѣпился, но рукавица съ руки Семки вдругъ съѣхала и оба мальчика повалились, одинъ въ снѣгъ, а другой по утопанной тропинкѣ, внизъ подъ гору. Всѣ ребяташки хохочутъ, а Семкѣ съ Сенькой не до смѣха: они и вправду не могутъ, несмотря на всѣ усилія, взобраться на верхъ.

Забавна еще очень десятилѣтняя Оеня:

Голова ея повязана желтымъ платкомъ; кафтанъ на ней старый, бабушкинъ, сѣраго крестьянскаго сукна, съ новыми большими заплатами. Онъ ей слишкомъ на полъ-аршина длинень. вотъ она его и поддернула, и опояса-

лась дядинымъ кушакомъ. Потомъ Оеня выпросила у бабушки шерстяныя перчатки и валенки, почти съ нее величиною; но не смотря на этотъ неловкій нарядъ, она такая лихая и проворная дѣвочка, что справляется съ салазками не хуже Сидорки.

Кафтанъ подберетъ, сядетъ на салазки верхомъ, передъ собою посадить кого нибудь изъ маленькихъ, а другому велитъ прицѣпиться кое-какъ сзади, ухватить ее за шею, и, подвигая ловко салазки ногами или, лучше сказать, бабушкиными огромными валенками, она лихо спускается съ горы, хлопая въ ладоши, чтобы всѣмъ показать, что, и безъ помощи рукъ, салазки катятся прямо по льду, и въ снѣгъ не заѣзжаютъ.

— Ай да Оеня! кричатъ ребяташки со всѣхъ сторонъ.

— Она у меня, ухъ, какая лютая! приговаривалъ старикъ Потапычъ; не дѣвка, а козырь!... ей-бы парнишкой родиться.

— Нужды нѣтъ, что она не парнишка, со смѣхомъ отвѣчалъ Михайло, отецъ Оени; она небось, не пропадетъ: на все ловка. Ужъ на что около лошадей—и то не хуже другого и взнуздаетъ, и запряжетъ, и стоймя себѣ такъ таки прокатить, что любо!

— Гляди-ка, гляди-ка! продолжалъ Пота-

пычь; на гору-то какъ ловко лѣзеть и салазки тащить, да еще и Катю на спину посадила.

Оеня, дѣйствительно, салазки привязала къ поясу, а двухлѣтнюю Катю, закутанную въ шубу, изъ которой ее головенка торчала точно бѣлый грибокъ, посадила на спину, придерживая за ноги правою рукою, лѣвою-же подбирала длинный свой кафтанъ и легонько поднималась по крутому скату на верхъ, такъ-же ловко и легко, какъ какая нибудь коза или кошка.

Лишь только Оеня добралась до верху, какъ спустила на полъ Катю и бросилась тутъ-же на спину, въ бѣлый, какъ пухъ, снѣгъ, раскинувъ руки.

— Ухъ, какъ жарко! сказала веселымъ голосомъ дѣвочка; полежу и отдохну.

Она головою такъ въ снѣгъ и ушла; рожица ея дѣйствительно пылала отъ усталости, сильнаго движенія и свѣжести воздуха. Черные глаза подъ длинными, пушистыми рѣсницами, казалось, сыпали искры: такъ они блестѣли; но, несмотря на все это, Оеня простуды не боялась, преспокойно отдыхала въ снѣгу, да никому изъ старшихъ даже не приходила мысль, что она можетъ занемочь.

Въ деревняхъ гораздо больше нашего при-

выкли къ воздуху, и поэтому-то, что въ городѣ было-бы большою неосторожностью, въ деревнѣ съ рукъ сходить, какъ ни въ чемъ не бывало.

Покуда ребяташки веселятся на горѣ, на улицѣ, чуть-чуть подалѣе второй избы Потаныча, собралась другая кучка дѣтей, подъ начальствомъ Никишки; ему помогаютъ Акуля и Поля и нѣсколько другихъ ребятъ. Они строятъ изъ снѣгу мечеть и какъ муравьи хлопчутъ около своего хрупкаго строенія. Мечеть выходитъ довольно большая и съ боку башня или каланча, какъ говоритъ Никишка, ухлопывая снѣгъ голыми руками.

— Акулька! кричить мальчикъ; ты хлопай крѣпче; что рукъ-то жалѣешь? онѣ не сахарныя, не растають.

— Чего жалѣть! отвѣчаетъ дѣвочка; и безъ того онѣ какъ огонь горять.

— Оно и лучше, не озябнуть, продолжаетъ Поля, прихлопывая изо всей силы досечкой по стѣнѣ башни.

Выше, выше уколачивай! опять кричитъ Никишка.

— Куда выше — и то руки не хватаютъ, отвѣчаетъ Акуля, удвоивая стараніе.

— Давай, я тебя подсажу, говоритъ Никишка; и прежде чѣмъ дѣвочка успѣла опомниться,

онъ ее подхватилъ, прижалъ къ снѣжной стѣнкѣ и, подталкивая правымъ плечемъ, такъ сказать, влѣзъ подъ нее, и тогда, на своихъ обоихъ плечахъ, поднялъ Акулю довольно высоко.

— Поля, подавай мнѣ больше комьевъ снѣгу, говоритъ Акуля; вишь какъ эдакъ ловко: точно на заборѣ сижу! Каланча будетъ знатная, превысокая; подавай только.... не лѣнись!

Ребятишки наперерывъ изъ снѣгу скатывали шары и подавали Акулѣ, которая строила изъ нихъ крышу каланчи.

— Вострѣе, вострѣе клади! кричалъ ей Никишка, заглядывая съ трудомъ изъ подъ своей ноши вверхъ. Что у тебя тамъ выходить? что-то не ладно.... Эй, Акуля! надо бы палку воткнуть въ середину. Эй, вы!... подайте сюда палку-то, — продолжаетъ Никишка, обращаясь къ двумъ мальчикамъ, завернутымъ въ одну худую шубенку, которые даже по той причинѣ и работать съ прочими ребятишками не могли, что другъ друга согрѣвали.

Старшій изъ нихъ, двѣнадцатилѣтній Васька, выскочилъ изъ подъ шубы и въ одной рубашкѣ бросился къ плетню, выгацилъ палку и подаль ее Акулѣ.

— Ну, ужъ я съ этимъ не слажу, сказала дѣвочка; полѣзай, Никишка, самъ, а мы съ Полей тебя поддержимъ.

Никишка проворно вывернулся изъ-подъ Акули, прыгнулъ ей-же на спину, повалилъ бѣдную дѣвочку въ снѣгъ, упалъ съ нею вмѣстѣ, но, при общемъ хохотѣ, не потерялъ присутствія духа.

— Пойдите-ка, ребята, вотъ, что надо сдѣлать, сказалъ Никишка.

Онъ побѣждалъ къ плетню, выдернулъ еще двѣ палки, воткнулъ ихъ рядомъ глубоко въ снѣжную стѣну своего строенія и, отдавая оба другихъ конца дѣвочкамъ, сказалъ:

— Ну, смотрите: держать крѣпче! а не то подпирайте палки плечемъ, а я пользуюсь.

Дѣвочки его совершенно хорошо поняли: стали на колѣни рядомъ, и оба конца палокъ положили себѣ на плечи. Никишка въ одну минуту влѣзъ на палки и принялся устраивать острую крышу своей каланчи. Онъ воткнулъ палку въ средину, и работа пошла успѣшно.

— Теперь надо продѣлать въ ней окно, сказалъ старикъ Потапычъ, возвращаясь съ горы, на которой ребята катались. Онъ шель мимо работы Никишки и остановился посмотреть, какъ ее внучата окончатъ.

— Дѣйствительно, надо окно, отвѣчалъ Никишка; а то какъ-же татарскій-то мулла стаетъ народъ скликать?

Надо знать, что у татаръ въ мечетяхъ му-